

ДАНИЭЛЬ ЯКОЧ

МЕСТО Л. Н. ТОЛСТОГО В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Г. В. Плеханов любил и глубоко уважал Л. Н. Толстого как художника, считал его одним из величайших писателей не только русской, но и мировой литературы. Это необходимо подчеркнуть, потому что до сих пор до конца не преодолено предвзятое мнение, будто он не понимал значения Толстого. «Что автор „Войны и мира“ есть великий писатель русской земли, — писал Плеханов, — что русская земля имеет право гордиться им и обязана любить его, что самый факт появления в нашей многострадальной России таких писателей служит нам одним из ручательств за ее будущее, — все это так, все это верно, все это неоспоримо. Но великий писатель русской земли *велик как художник, а вовсе не как сектант*».¹ Это исходное положение оценки Плехановым писателя — признание Толстого как великого художника, с одной стороны, и суровая критика его сектантских взглядов, с другой, — красной нитью проходит через весь цикл статей о Толстом.² В такой оценке он был близок к Ленину. Свое положение о том, что Толстой велик как художник, а вовсе не как сектант, Плеханов высказал в 1907 г., но в том же году Ленин в известной статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» писал: «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник... С другой стороны — помещик, юродствующий во

¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 15, 350. Такая же высокая оценка дана в письме Плеханова В. В. Водовозову (август 1905 г.): «Я бесконечно высоко ставлю Л. Н. Толстого *как художника*, но я не хотел бы ни одним своим словом, ни одним моим действием дать рус[скому] читателю повод думать, что я разделяю *общественные взгляды* нашего великого романиста» (Архив Дома Плеханова 806/А,211).

² Для решения вопроса о том, знал ли Л. Толстой Плеханова и что именно знал о нем, нет достаточных материалов. Известно лишь, что впервые Л. Толстой получил сведения о речи Плеханова на могиле Некрасова в 1877 г. из письма Страхова (Н. Н. Гусев, Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. Москва 1963, 466). О личности оратора он ничего не знал и не мог знать: Плеханов был уже на нелегальном положении. По словам В. А. Поссе, Л. Толстой кое-что знал о деятельности русских марксистов, но конкретно о Плеханове он получил сведения только в 1909 г. из рассказа Поссе. Толстой полагал, что социалисты относятся к нему враждебно. (См.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Москва, 1960, 58—59). Конечно, к воспоминаниям Поссе нужно относиться критически, проверяя факты, которые он сообщает, и другими данными. В этом случае кажется, что другие данные подтверждают Поссе. В полном собрании сочинений Толстого имя Плеханова не встречается. На этом основании нельзя, конечно, утверждать без колебаний, что Л. Толстой узнал о Плеханове только в 1909 г.: его деятельность была слишком заметной, но факты — вещь упрямая.

Христе».³ Противопоставляя плехановское понимание Толстого ленинскому, забывают, что «юродствовать во Христе» и быть «сектантом» — одно и то же.

Ленин вполне определенно и ясно выразил свою солидарность с плехановским подходом к наследию Л. Н. Толстого в статье «Герои», оговорочки». В. В. Ермилов придерживается по этому вопросу другой точки зрения, очень распространенной. Он пишет: «Не видя демократической, крестьянской основы толстовского творчества, Плеханов не понимал главного в Толстом, так гениально-остро раскрытого Лениным».⁴ Иными словами, Ленин раскрыл в произведениях Толстого взгляды и настроения крестьянских масс, а Плеханов этого не заметил и не понял, видел в Толстом лишь барина. Но нельзя не забывать, что именно в той же статье, в которой Ленин раскрыл крестьянские корни творчества Толстого, он назвал его «помещиком, юродствующим во Христе». Следовательно, нет оснований говорить о каком-то коренном расхождении между Лениным и Плехановым во взглядах на Толстого, хотя оттенки в их подходе к нему несомненны. Ленин видел элементы барства лишь в юродстве великого писателя, в его сектантских стремлениях. Центр тяжести у него перенесен на анализ противоречий Толстого, связанных с тем, что писатель после перелома в своем мировоззрении явился выразителем настроений патриархального крестьянства. Плеханов же сосредоточивал свое внимание на анализе прежде всего сектантских элементов в учении Л. Толстого. У них разные предметы исследования, и это, конечно, было обусловлено различием взглядов на Толстого, которое существовало довольно долго, но плехановская оценка в целом не противоречила оценке ленинской. Главное в их отношении к Толстому по своей внутренней сущности было тождественным: оба всегда бесконечно высоко ставили Толстого как художника и всегда критиковали его нравственно-религиозную проповедь. В зависимости от конкретных исторических условий ленинская и плехановская критика заблуждений Толстого принимала то более, то менее острый характер. По воспоминанию Р. М. Плехановой, Плеханов в 1895 г. еще «мягко» критиковал толстовскую проповедь.⁵ Критика Лениным и Плехановым социального учения писателя стала очень острой в 1907—1911 гг., и это было вы-

³ В. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, 209.

⁴ В. В. Ермилов, Толстой-романист. Москва 1965, 76. Плехановское понимание Толстого противопоставляется ленинскому не только В. В. Ермиловым. Такое противопоставление было почти общепринятым с начала 30-х годов. (См.: Н. Глаголев, Ленин и Плеханов о Л. Толстом: На литературном посту, 1931, № 20—21; П. Федосеев, Г. В. Плеханов о религии: Воинствующий атеизм, 1931, № 10; О. Войтинская, Плеханов — Переверзев — Шукин: Марксистско-ленинское искусствознание, 1932, № 4; В. Кирпотин, Ленин и литературная критика: На литературном посту, 1932, № 6; Н. Свириг, Мобилизация литературы. Ленинград 1933, 25; Д. То-марченко, Литература и эстетика. Ленинград 1936, 46; Н. Р. Верхось, Плеханов о Лье Толстом: Труды сталинградского педагогического института, 1957, т. IV; FERENCZI I., Vázlat Plehanovról: Kritika, 1963, № 4 и др.)

⁵ «Женевская политическая эмиграция почти вся без исключения относилась отрицательно к этому увлечению (проповедью Толстого) как мешающему ходу революционного движения, — пишет Р. М. Плеханова. — Плеханов был среди оппонентов, но, насколько мне помнится, он был очень мягок в своей критике, щадя конфузлившуюся референтку». (Группа «Освобождение труда», сб. IV. Москва — Ле-

звано потребностями рабочего движения того времени, как это убедительно доказано в статье С. С. Деркача.⁶

В чем именно различие между Лениным и Плехановым в оценке Толстого? Чаще всего это различие видят в объяснении социального генезиса творчества писателя. На этом основании в первую очередь и противопоставляют Плеханова Ленину. Так Ш. К. Сатпаева пишет: «Источник всех противоречий Толстого Плеханов видел только в его религиозных представлениях и в дворянском происхождении. Толстой, по мысли критика, не мог перейти с точки зрения эксплуататоров на точку зрения эксплуатируемых, до конца жизни остался большим барин⁷». В действительности же Плеханов никогда не видел источник *всех* противоречий Толстого только в его религиозных представлениях и в дворянском происхождении, но к этому вопросу мы еще вернемся. Верно лишь то, что Плеханов довольно долго считал Толстого «большим барин⁸», но не *всегда*. В его взглядах по этому вопросу происходили существенные изменения, и странно, что на их эволюцию не обратили внимания.⁸

В своей статье о Некрасове (1903 г.) Плеханов писал: «Л. Толстой — барин до конца ногтей даже там, где он *кажется* революционером. В его отрицании нет ни одного атома новаторских стремлений».⁹ Анализ этого положения, взятого в общем контексте плехановских высказываний о Толстом, позволяет сделать следующие выводы. Плеханов ясно видит *отрицание* Толстым современных ему общественных отношений, и в то же время указывает на то, что в толстовском отрицании отсутствует утверждение нового — не иллюзорного, а действительно нового в широком историческом плане. И в общем это было верно. Плеханову не было нужды позже пересматривать свою позицию. Далее, Плеханов связывает отрицание у Толстого с его социальной позицией. Необходимо напомнить, что критик никогда не выводил механически социальную позицию писателя из его классового происхождения. И в данном случае дело не в барском происхождении Толстого. Плеханов пришел к своему выводу на основании анализа произведений писателя и его высказываний в том объеме, который был тогда доступен критику, а много фактического материала в ту пору не было еще известно, да и жизнь за границей ограничивала возможности критика. Как бы то ни было, но мнение Плеханова о социальном генезисе творчества писателя не изменилось существенно до 1907 г. После этого критик интенсивно занимается изучением творчества Л. Толстого, и такие занятия продолжались у

нинград 1926, 295). Конечно, Плеханов был очень мягок в своей критике не потому, что он шадил референтку, а потому, что тогда ошибочные взгляды Толстого он считал менее опасными для революционного движения.

⁶ С. С. Деркач, Г. В. Плеханов о Льве Толстом: Вестник ЛГУ, 1961, № 8. Серия истории, языка и литературы, 2: 94.

⁷ Ш. К. Сатпаева, Г. В. Плеханов как литературный критик: Уч. зап. Алма-Атинский гос. пед. ин-т, т. 13. Серия педагогических и филологических наук, 1958, 134.

⁸ О развитии взглядов Плеханова на Толстого см. мою статью: Лев Толстой в оценке Г. В. Плеханова: Acta Universitatis Szegediensis de Attila József Nominatae Dissertationes Slavicae, 2 (1964) 35—40.

⁹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 10, 388.

него до 1912 г. включительно. За эти годы мнение Плеханова о социальном генезисе творчества Л. Толстого претерпело несомненные изменения.

В 1910 г. Плеханов пишет: «Толстой был и до конца жизни остался большим бариним. Прежде этот большой барин спокойно пользовался теми жизненными благами, которые доставляло ему его привилегированное положение. Потом, — и в этом сказалось влияние на него людей, думавших о счастье народа и о доле его, — он пришел к тому убеждению, что эксплуатация народа, служащая источником этих благ, безнравственна... Но ему не пришло и в голову, что недостаточно самому воздерживаться от эксплуатации народа...»¹⁰ Сдвиг в сравнении с оценкой 1903 г. здесь существенный. На первый взгляд кажется, что Плеханов повторяет старое положение: «Толстой был и остался большим бариним». Но это только на первый взгляд. Ведь критик сразу же и очень весомо дополняет прежнее положение: Толстой, «оставшись большим бариним», на определенном этапе своего развития пришел к выводу, что эксплуатация народа безнравственна. Из только что приведенных слов критика ясно, что он разделяет развитие Толстого на два периода, пока еще хронологически не обозначенные. Второй период начинается тогда, когда писатель пришел к мысли о безнравственности эксплуатации. Причем к этой мысли он пришел в результате влияния на него деятелей революционного движения — людей, думавших о «счастье народа» и о «доле его». Прежнее положение о том, что Толстой до конца жизни остался большим бариним повторяется в какой-то степени по инерции, ибо если он пришел к убеждению, что эксплуатация народа безнравственна, что же у него остается от барина? По-видимому, Плеханов имел здесь в виду не в целом взгляды писателя в этот период его развития, а то, что в них связано с помещиком, юродствующим во Христе, возможно, и с образом его жизни.

В следующем, 1911 г., Плеханов делает еще несколько важных шагов вперед в том же направлении. Он пишет: «Нравственная проповедь... Л. Толстого вела к тому, что, — *поскольку он занимался ею*, — он сам того не желая и не замечая, переходил на сторону угнетателей народа».¹¹ Здесь он указывает на одно из важнейших противоречий великого писателя: признанием безнравственности эксплуатации народа Толстой в таком важном вопросе порывает со своим классом, но проповедью непротивления злу насилием, по существу, *объективно* переходит на сторону эксплуататоров. Плеханов определил свою точку зрения предельно точно: Толстой не переходил целиком на сторону угнетателей народа; он связан с ними лишь *постольку, поскольку* занимается своей нравственной проповедью. Далее Плеханов пишет: «Толстой был не только сыном нашей аристократии, он долго был ее идеологом, правда, не во всех отношениях».¹² Можно суммировать это высказывание с предыдущим и сделать вывод: Толстой *не всегда* был идеологом аристократии и *не во всех отношениях*. В целом общественную позицию писателя на

¹⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 5, 620.

¹¹ Там же, 630.

¹² Там же, 631.

этом этапе его эволюции Плеханов определяет следующим образом: «Толстой так же мало способен был упиваться двусмысленной славой государства российского, как и эксплуататорскими подвигами благородного русского дворянства. В этом сказалось влияние на него передовых идей его времени. Но он не способен был и перейти на сторону массы. . .»¹³ Иначе говоря, под влиянием революционных идей своего времени Толстой во многом откололся от своей среды, но, оказавшись неспособным полностью перейти на сторону народа, он остановился на полпути.

И этот вывод не является для Плеханова окончательным. В том же 1911 г. в очередной статье он уже пишет: «Итак, „переворот“ состоял, во-первых, в том, что жизнь высшего класса не только опротивела Толстому, но потеряла в его глазах всякий смысл; во-вторых, что жизнь трудящегося народа получила для него большую привлекательность, а смысл, придаваемый трудящимся народом этой жизни, был признан „истинной“».¹⁴ Поступательное движение мысли Плеханова здесь очевидно. Если жизнь высшего класса опротивела Толстому и потеряла для него всякий смысл, а истиной стало то, что считает ею народ, — то ясно, что он перешел на сторону народа. Нужно при этом иметь в виду, что Плеханов никогда не говорил о народе вообще, он всегда учитывал классовое содержание этого понятия. И в данном случае было так. Это видно из следующих слов Плеханова: «Когда Толстой говорил: „народ“, он разумел именно крестьянина доброго старого времени, представляющегося ему в виде все выносящего и все прощающего Платона Каратаева».¹⁵ Если уточнить слова Плеханова, то внутренний смысл их заключается в том, что Толстой перешел на точку зрения патриархального крестьянства. Этим, по мнению критика, и определялся характер отрицания Толстого: «Он отрицал не все прошлое, а только одну из его сторон, и это отрицание одной из сторон прошлого дополнялось у него идеализацией другой стороны».¹⁶

Итак, Толстой отрицал жизнь дворянства, отрицал эксплуатацию народа и идеализировал патриархальное крестьянство. В дальнейшем Плеханов лишь дополнял эти положения. Признание Толстого идеологом патриархального крестьянства означает фактически переход критика в данном вопросе на ленинскую позицию. Следовательно, в 1911 г. различие во взглядах Плеханова и Ленина о социальном генезисе творчества Толстого сводится лишь к некоторым оттенкам.

Те исследователи, которые противопоставляли мнение Ленина и Плеханова в этом вопросе, не учитывали развития Плеханова. Дёрдь Лукач, например, считает, что взгляды Ленина диаметрально противоположны взглядам Плеханова. Он не объяснил, как мог Ленин считать хорошими в таком случае статьи Плеханова о Толстом. Что касается мнения Лукача о том, что Плеханов отрицал универсальный характер творчества Толстого, с которым связано и его мировое значение, то оно

¹³ Там же, 633.

¹⁴ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 24, 235—236.

¹⁵ Там же, 248.

¹⁶ Там же, 249.

является необоснованным.¹⁷ Необходимо назвать в числе тех исследователей, которые вполне объективно освещают отношение Ленина к статьям Плеханова о Толстом, В. Кириленкова.¹⁸ Справедливо указал на тот факт, что статьи Ленина и Плеханова не только не противоречат друг другу, а своеобразно дополняют друг друга, Б. С. Мейлах. Исследователь, на наш взгляд, верно предполагает, что взгляды Плеханова на Толстого изменились отчасти под влиянием Ленина.¹⁹ Правда, прямых документальных подтверждений на этот счет нет. Но остается фактом, что Плеханов пришел к выводу о патриархально-крестьянской основе творчества Толстого уже *после* появления ленинских статей. Переключка эта естественна, если учесть, что в эти годы между Лениным и Плехановым установилось тесное сотрудничество, что они следили за выступлениями друг друга. Сыграло большую роль и углубленное изучение Плехановым творчества Толстого. Как сказано, Плеханов разделяет творческий путь писателя на два основных периода. «Переворот» произошел у Толстого, по словам критика, в конце 70-х — начале 80-х годов. Зародыши «переворота», полагает он, «уже давно зрели в душе» писателя. Плеханов исследовал прежде всего внутреннюю логику развития Толстого, тогда как Ленин сосредоточил внимание на изучении социально-исторических факторов эволюции писателя.²⁰ Что же касается плехановской методологии определения социального генезиса творчества писателя, то она вполне соответствовала ленинской.²¹ До «переворота» Плеханов считал Толстого преимущественно, но не исключительно, «бытописателем дворянских гнезд». Но когда Плеханов говорил о нем как о бытописателе дворянских гнезд, он имел в виду прежде всего предмет художественного исследования и изображения. Плеханов уже и тогда указывал на то, что угнетение крестьян дворянами резко осуждалось Толстым, еще до «переворота». Великий писатель не задавался целью что-нибудь скрыть или скрасить, и на этом основании Плеханов считал его одним из самых замечательных реалистов мировой литературы. Важнейшими особенностями творчества Толстого были, по его мнению, *пренебрежение ко внешним эффектам и полная правди-*

¹⁷ LUKÁCS Gy., Világírodalom, II. Budapest 1969, 30—31.

¹⁸ См.: В. Кириленков, «Звезда» и «Правда» в борьбе за идейность литературы: Новый мир 1947, № 4; 145—146.

¹⁹ Б. С. Мейлах, Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX веков. Ленинград 1956, 397—403.

²⁰ Р. С. Кабисов справедливо пишет: «Ленин подходит к творчеству Толстого с точки зрения его социальных предпосылок, его социального генезиса, тогда как Плеханов занимается, главным образом, исследованием именно духовного генезиса творчества Толстого. А для глубокого и всестороннего изучения и понимания сущности противоречивого и сложного творчества Толстого они в равной мере необходимы. (Уч. зап. Юго-Осетинского пед. ин-та, т. IX. Серия гуманитарных наук, Цхинвали 1966, 32).

²¹ «Для отрицания плехановской «генетической» концепции искусства бесполезно искать опору в ленинской методологической позиции, — справедливо пишет П. А. Николаев. — Мало того, исследуя статьи Ленина о Толстом, мы находим в них не что иное, как «общественный эквивалент» творчества великого русского писателя». (П. А. Николаев, Эстетика и литературные теории Г. В. Плеханова. Москва 1968, 149.) Да, именно в ленинских статьях определяется общественный эквивалент творчества великого писателя земли русской, именно общественный эквивалент, на который так старательно нападали раньше некоторые авторы.

вость изображения.²² К сожалению, при исследовании произведений Толстого Плеханов рассматривал лишь вопросы об их содержании, а художественные приемы, вопросы формы чаще всего оставались вне поля его зрения. Отметим лишь, что для него Толстой был величайшим писателем-психологом. Все сказанное Плехановым о художниках-психологах относится к Толстому прежде всего. Плеханов писал: «Толстой . . . анализировал свою собственную психическую жизнь и тем развил ту свою способность, которая в самом деле составляет главную отличительную черту его художественного таланта».²³

В ходе изучения произведений великого писателя у Плеханова возникли зародыши таких концепций, которые не утратили своей актуальности и в наши дни. Проблематика плехановского анализа творчества Толстого, к сожалению, недостаточно учитывается в научной литературе. Приведем несколько примеров.

Плеханов считал, что многие особенности писательской манеры Толстого складывались под влиянием общественного движения шестидесятых годов: «Как ни чужды были Толстому все взгляды и стремления «людей шестидесятых годов», но и он не ушел от влияния своего времени. В нем тоже была чрезвычайно сильно развита рассудочность . . .»²⁴ В ходе конкретного анализа он смягчает, исправляет и уточняет первую часть приведенного высказывания. Но в данной связи важно не это, а важен тот факт, что одна из главных черт художественного таланта Толстого является, по мнению Плеханова, следствием влияния шестидесятых годов. Что понимал он под «рассудочностью»? «Рассудочность» не обозначала у него отсутствие чувств или подчинение их отвлеченной, «холодной» логике. Он имел в виду другое — стремление подвергать все явления, все процессы острому критическому анализу, все пересматривать и осмысливать заново. Такое отношение к действительности вовсе не исключает эмоциональной оценки явлений. Стремление все осмыслить заново, все пересмотреть критически было свойством всех передовых людей шестидесятых годов.²⁵ Оно привело к усиленному изучению окружающего мира. У Толстого эта особенность проявлялась своеобразно. Он анализирует прежде всего внутренние, интимные процессы человеческой души, и с этой точки зрения он осмыслил заново многие законы психики.²⁶ Отсюда и главная отличительная черта таланта великого писателя. Вслед за Чернышевским Плеханов видит ее в изображении диалектики души. По его словам, Л. Толстой показывает, «как одни чув-

²² То же самое писал о Толстом А. В. Луначарский: «В своем стиле Толстой стремится прежде всего к величайшей честности. Он хочет сделать язык таким, чтобы он как бы не чувствовался, чтобы вы совсем не останавливались на его формах, чтобы он был прозрачен». (Собрание сочинений в 8-ми томах, I. Москва 1968, 346). Вслед за Луначарским и Н. Н. Арденс отмечает эти особенности Толстого. (Творческий путь Л. Н. Толстого. Москва 1962, 272).

²³ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 5, 395—396.

²⁴ Там же.

²⁵ На эту черту эпохи позже указывал и Б. М. Эйхенбаум в связи с изучением творчества Л. Толстого. «Эпоха 60-х годов была, конечно, эпохой рассудительства — и рассудительства преимущественно на темы социальные и исторические». (Б. М. Эйхенбаум, Лев Толстой. Книга вторая, 60-е годы. Москва—Ленинград 1931, 282).

²⁶ Стремление осмыслить глубины человеческой души Б. И. Бурсов устанавливает уже у молодого Толстого. (Б. И. Бурсов, Лев Толстой. Москва 1960, 12—17).

ства и мысли развиваются из других», как одно психическое состояние переходит в свою противоположность и потом возвращается к прежней исходной точке, т. е. анализирует сам *психический процесс*.²⁷ Это наблюдение было потом неоднократно подтверждено советскими литературоведами.²⁸ На этой основе Толстой раскрывает, по мнению Плеханова, все многообразие и сложность взаимоотношений людей, в художественном творчестве он был глубоким диалектиком. Эта мысль Плеханова тоже получила развитие в советском литературоведении.²⁹

Здесь нельзя обойти следующего сложного вопроса. Плеханов считает главной *отличительной чертой художественного таланта* Толстого глубокое понимание и верное изображение *диалектики* психической жизни; в то же время он, как Ленин, утверждает, что писатель не умеет мыслить диалектически. Ленин в своей *итоговой* статье «Л. Н. Толстой и его эпоха» писал: «Для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии. . .»³⁰ Ту же мысль развивал и Плеханов: «. . . Толстой не только идеалист, но он всю жизнь свою был по приемам мысли самым чистокровным метафизиком». Но сразу же он оговаривается: «Прошу заметить, что я говорю о приемах его мысли, а не о приемах его творчества. Приемы его творчества были совершенно чужды указанного недостатка, и он сам смеялся над ним, встречая его у других художников».³¹ Плеханов повторяет уже знакомое нам положение о *диалектическом* характере художественного изображения в произведениях писателя, причем говорит не только о диалектике души, но и о диалектике его художественных приемов, т. е. о диалектичности художественного метода Толстого вообще. Отметим, что у Плеханова термин «приемы творчества» имел совсем не тот смысл, который позже, в двадцатые годы нашего века, придавали ему формалисты. Под приемами творчества он понимал в общем то, что мы называем теперь художественным методом.

Но, как сказано, Плеханов указывает и на метафизичность приемов мышления великого писателя. На этом основании некоторые исследователи обвиняли его в том, что он противопоставил в Толстом художника мыслителю. В. В. Ермилов, например, пишет: «Плехановское деление

²⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 5, 394.

²⁸ См.: А. Скафтымов, Диалектика в рисунке Л. Толстого. В. кн. «Литературные беседы». Общество литературоведения при Саратовском Гос. унив. им. Н. Г. Чернышевского, 1929; С. П. Бычков, Народно-героическая эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». Москва 1949, 38—39; З. П. Безрукова, Формы психологического анализа в романах Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». В кн. «Лев Николаевич Толстой. Сборник статей. Москва 1955, 62—100; Н. К. Гудзий, Лев Николаевич Толстой. Изд. 2-е. Москва 1956, 100—104; В. Шкловский, Художественная проза. Размышления и разборы. Москва 1961, 445.

²⁹ Указывая на одну из главных черт диалектики Толстого, В. Шкловский, например, пишет: «Толстой описывает обычно не только самую вещь или явление, он дает их во всем окружении, с ними связанным». (Заметки о прозе русских классиков. Москва 1955, 300).

³⁰ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, 101.

³¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 5, 623—624.

Толстого на художника и мыслителя в корне отлично от ленинского целостного подхода к Толстому...»³² Но плехановская трактовка Толстого не отличается здесь от ленинской, это ясно любому объективному исследователю. И у него был целостный подход к Толстому. Именно вследствие такого подхода и Плеханов, и Ленин указывали на метафизичность мышления Толстого в области философии.

Как Плеханов объясняет противоречие между несомненным диалектическим характером приемов творчества Толстого и тем несомненным фактом, что «для Толстого, — выражаясь словами Ленина, — конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое»? Вслед за Белинским Плеханов объяснил это тем, что часто «у художников ум уходит в талант».³³ Иначе говоря, лучшие способности ума, мышления писателя проявлялись не в области отвлеченной философии, а в художественном творчестве. Между разными формами общественного сознания нет непроходимой грани, однако связь между ними не является простой и прямой, и, кроме того, характер связи между ними меняется в зависимости от конкретных условий места и времени. Об этом уже было сказано выше в связи с общей концепцией Плеханова. Нужно принять это во внимание и при рассмотрении данного вопроса.

Все сказанное не значит, что Плеханов не видел и не отмечал сильных сторон в теории великого писателя, — к этому вопросу мы вернемся. В данном случае нам важно подчеркнуть одно: существование указанного противоречия Плеханов объясняет относительной самостоятельностью разных форм общественного сознания. Об этом уже писал С. С. Деркач: «Разграничением понятий художник и мыслитель Плеханов указывал... на необходимость учета относительной самостоятельности законов преемственного развития в искусстве и литературе».³⁴

Плеханов поставил вопрос и о предшественниках Л. Толстого. В отношении «диалектики души», как было упомянуто, он, вслед за Чернышевским, предшественником Толстого считал прежде всего Лермонтова. Но по сравнению с Лермонтовым, Толстой, по его мнению, сделал значительный шаг вперед: у Лермонтова диалектика души не была еще главной отличительной чертой. Влияние Лермонтова на Толстого с тех пор подтверждено многими документальными данными, этот вопрос тоже хорошо разработан литературоведами.³⁵

Плеханов считал, что диалектика души являлась у Толстого и сильным оружием критики современных ему общественных отношений, особенно в поздний период его творчества, что вполне понятно: критика общественных отношений в произведениях писателя все время нараста-

³² В. В. Ермилов, Толстой-романист. Москва 1965, 76. Той же точки зрения придерживается И. Н. Успенский. (Горький о Толстом. В кн. «Лев Николаевич Толстой». Москва 1951, 160).

³³ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 3, 389—390.

³⁴ С. С. Деркач, Г. В. Плеханов о Льве Толстом: Вестник ЛГУ, 1961, № 8. Серия истории языка и литературы, 2: 101.

³⁵ См.: Н. Н. Гусев, Лев Николаевич Толстой (с 1828 по 1855 годы). 1954, 210, 458, 493; А. А. Сабуров, Война и мир Л. Н. Толстого, проблематика и поэтика. Москва 1959, 484—494. Перечень таких работ можно было бы продолжить.

ла. И в этом случае Плеханов подчеркнул диалектический характер изображения у Толстого, ибо *диалектика приемов творчества или художественного метода является основной чертой его как художника.*

К сожалению, Плеханов только вскользь затронул вопрос о роли творческой фантазии в процессе творчества Толстого, а именно в связи с анализом повестей «Смерть Ивана Ильича» и «Хозяин и работник». По его мнению, в этих произведениях особенно наглядно проявилось могущество творческой фантазии писателя. Как и романы Толстого, повести «Смерть Ивана Ильича» и «Хозяин и работник» Плеханов отнес «к самым выдающимся художественным произведениям».³⁶ Выше уже сказано, что он рассматривал художественную литературу не только как простое отражение жизни. По его мнению, художник, отражая объективный мир, в то же время и творит его. В этом и заключается глубинная сущность творческой фантазии, и подлинный реализм ни в какой мере не принижает ее роли. Художественные произведения Толстого, полагал он, стали шедеврами мировой литературы и вследствие его гениальной творческой фантазии.

Она не является чем-то произвольным, оторванным от жизни. Художественные достижения Толстого Плеханов объясняет и тем, что писатель глубоко знал жизнь, обладал *богатым личным опытом*.³⁷ Его творческая фантазия опиралась на конкретное и многостороннее изучение действительности, поразительную наблюдательность. Знание жизни и огромная сила воображения в их поразительном единстве — вот что, по Плеханову, придало огромную силу реалистическому творчеству великого писателя. Поэтому ни на чем не основанным является такое, например, утверждение И. Н. Успенского: «В концепции Плеханова о Толстом было . . . непонимание и отрицание реализма в творчестве Толстого».³⁸ Где и когда Плеханов отрицал реализм Толстого? Только предвзятым отношением к критику можно объяснить такой поворот мысли Успенского. Факты — упрямая вещь, а они показывают, что Плеханов считал Толстого одним из крупнейших *реалистов-психологов* не только в русской, но и во всей мировой литературе.

Он не только широко понимал Толстого, но и глубоко чувствовал поэзию в его произведениях. Для своих статей о Толстом Плеханов проделал громадную работу, изучив все, что ему было доступно. В его библиотеке хранится, например, книга П. Бирюкова «Лев Николаевич Толстой». На ее полях Плеханов делал пометы. Так, он подчеркнул в ней следующие слова Толстого, выражающие его отношение к природе: «Я люблю природу, когда она со всех сторон окружает меня и потом развивается бесконечно вдаль, но когда я нахожусь в ней. Я люблю,

³⁶ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 4, 347—348.

³⁷ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 24, 287—288.

³⁸ И. Н. Успенский, Горький о Толстом. В кн.: Лев Николаевич Толстой. Сборник статей. Москва 1951, 160. В этой же статье автор пишет, что Плеханов отрицательно влиял на Горького, сблизив его с Луначарским и Богдановым, когда они увлекались богостроительством. Такой ход рассуждений Успенского является более чем странным. Не говоря уже о том, что у него нет никаких документальных данных, он забыл, что именно в то же время Плеханов вместе с Лениным подверг беспощадной критике Луначарского и Богданова.

когда со всех сторон окружает меня жаркий воздух и этот же воздух, клубясь, уходит в бесконечную даль, когда те самые сочные листья травы, которые я раздавил, сидя на них, делают зелень бесконечных лугов, когда те самые листья, которые, шевелясь от ветра, двигают тень по моему лицу, составляют синеву далекого леса, когда тот самый воздух, которым вы дышите, делает глубокую голубизну бесконечного неба, когда вы не один ликуете и радуетесь природой, когда около вас жужжат и вьются мириады насекомых, сцепившись ползают коровки, везде кругом заливаются птицы». «Чудный гимн!» — написал Плеханов на полях.³⁹ Потом это место он процитировал в статье «Толстой и природа». По его мнению, Толстой изображает природу «с таким мастерством, до которого, кажется, никто и никогда еще не возвышался. . .»⁴⁰ Плеханов раскрывает и принципы писателя в изображении природы: «Природа не описывается, а живет у нашего великого художника. Иногда она является даже как бы одним из действующих лиц повествования. . .»⁴¹ Это важный принцип. Известно, что Толстой редко рассуждает о своих героях, они сами раскрывают себя. Приему внутреннего самораскрытия героев соответствует и охарактеризованная Плехановым особенность изображения природы у Толстого: живя, развиваясь, она как бы сама раскрывает себя. И такое изображение природы вытекает из общего диалектического характера художественного метода писателя.

«Толстой любит только такие виды природы, — пишет Плеханов, — которые пробуждают в нем сознание его единства с нею».⁴² Величественные виды природы, которые напоминают о ее бесконечности и о конечном существовании человека, Толстой не любил. В то же время, наслаждаясь чувством своего единства с природой, писатель с ужасом думает о неизбежности смерти. Чем больше любил Толстой жизнь, тем сильнее боялся смерти. В отношении Толстого к природе Плеханов увидел отражение общего отношения писателя к вопросам бытия, а эти вопросы сильно его занимали. По мнению критика, в страхе Толстого перед смертью проявился его индивидуализм.⁴³ Под индивидуализмом в данном случае Плеханов понимал не эгоизм, не подчинение воли многих воле одного человека, а такое утверждение своей личности, при котором не принимается во внимание связь судьбы отдельной личности с судьбой других, с судьбой нашей планеты и вселенной. По мнению Плеханова, любовь в жизни не обязательно и далеко не всегда сочетается с ужасом перед смертью, при этом он ссылаясь на Шелли и на Фейербаха, которым был чужд этот ужас.

³⁹ Библиотека Дома Плеханова. П. И. Бирюков. Лев Николаевич Толстой. Биография, I. Москва 1906, 352, шифр Д. 6132.

⁴⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 5, 509.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, 610.

⁴³ Точку зрения Плеханова Е. Н. Купреянова считает справедливой, «но с той оговоркой, что чувство собственной индивидуальности. . . переросло у Толстого в чувство . . . глубочайшей трагедии. . . отъединенного от других существования» (Е. Н. Купреянова, Эстетика Л. Н. Толстого. Москва—Ленинград 1966, 141).

Мнение Плеханова об отношении Толстого к природе подтверждают и советские литературоведы.⁴⁴ Конечно, плехановский анализ отношения Толстого к природе нельзя считать исчерпывающим, но сама постановка вопроса свидетельствует о многостороннем подходе критика к творчеству великого писателя. Его мысли могут быть хорошей основой для дальнейших исследований. Статья Плеханова «Толстой и природа» была написана на основе анализа главным образом ранних произведений писателя и его «Войны и мира», поэтому некоторые ее положения, может быть, требуют уточнения при сравнении их с высказываниями писателя в поздних произведениях, но в основном они применимы и к этим произведениям.

Подводя итоги, можно сказать, что Плеханов в художественных произведениях великого писателя раскрыл диалектический характер «приемов изображения» человека и природы, что он считал Толстого глубоким, гениальным реалистом-психологом, продолжавшим в этом отношении лучшие традиции Н. Г. Чернышевского, конечно, на другой основе.

Вернемся к вопросу о критике Плехановым мировоззрения Толстого. Он назвал Толстого «гениальным художником и крайне слабым мыслителем».⁴⁵ Эта формула вызвала целый поток упреков, сущность которых сводится к одному и тому же: признав Толстого *гениальным* художником и *слабым* мыслителем, Плеханов тем самым механически противопоставил художника и мыслителя. Необходимо подчеркнуть, что никто из его критиков не указывает *конкретно*, почему именно считает Плеханов Толстого слабым мыслителем. Характерно также, что никто из них не попытался опровергнуть *конкретные критические* замечания Плеханова по поводу мировоззрения Толстого, и эти замечания до сих пор остались неопровергнутыми. Но ведь без критики *конкретных* плехановских положений о философии Толстого все обвинения повисают в воздухе. В лучшем случае можно было бы понять эти обвинения как критику неудачного выражения. Необходимо иметь в виду, — это обычно не учитывается, — что далеко не все взгляды Толстого Плеханов считал ошибочными, что даже в некоторых *ошибках* писателя он находил зародыши глубоко верных положений. Что конкретные критические положения Плеханова остались неопровергнутыми, — совсем неудивительно, ибо трудно опровергнуть их и остаться на позициях диалектического материализма, как нельзя этого сделать и с каких-либо других позиций. Можно спросить критиков Плеханова: всегда ли и везде ли великие писатели были в то же время и великими философами? Не является ли метафизикой предполагать простое и прямое взаимодействие между философией и художественным творчеством великих писателей? Не скрывается ли за названными обвинениями Плеханова предположение, что художественная литература является иллюстрацией идей?

⁴⁴ См.: Н. К. Гудзий, Лев Николаевич Толстой. Издание 2-е, 1956, 104—106; В. Литвинов, Изучение пейзажей романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в IX классе: Литература в школе, 1956, № 2.

⁴⁵ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 5, 613.

Вполне понятно, что в 30-е годы вопрос о роли мировоззрения в творчестве писателя был очень важным и острым. Не случайно, что именно в эти годы стали упрекать Плеханова в том, что он механически противопоставлял Толстого-мыслителя и Толстого-художника. Вопрос о взаимоотношении мировоззрения писателя и приемов его изображения или художественного метода Плеханов всегда рассматривал конкретно-исторически. Ведь это взаимоотношение — явление историческое, оно не остается всегда одинаковым. Заблуждения Толстого в области мировоззрения носили такой характер, что *серьезно* они не препятствовали его *реалистическому* творчеству, хотя в определенные исторические эпохи в *политическом* отношении приобретали резко отрицательный характер и именно как заблуждения социально-философские.

Кроме этого, необходимо принять во внимание и то, с кем спорил Плеханов. Он имел в виду прежде всего М. Неведомского, В. Базарова и других, против которых выступил и Ленин. Что утверждал Базаров? Он отстаивал три основных положения. Разберем их. «Наша интеллигенция, — говорит Базаров, — разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого — *все* Толстого своей совестью».⁴⁶ Ленин, процитировав Базарова, писал: «Это — неправда. Это — фраза... Именно отсутствие единого прикрывается сугубо лицемерной ... фразой о „совести”».⁴⁷ Ленин и Плеханов не случайно критиковали либералов, которые хотели использовать слабые стороны писателя в своих целях, за лицемерное уважение Толстого. Именно потому, что либералы боялись революционной энергии рабочего класса, противление злу насилием было не в их интересах. Базаров в данном случае выступал как типичный либерал.

Ленин привел следующие слова Неведомского: «Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований и палаты депутатов, недавно голосовавшие огромным большинством против отмены смертной казни, а теперь почтившие вставанием великого *цельного* человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности — какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед ними этот Толстой, это живое воплощение единого принципа». И Ленин так прокомментировал эти слова: «Уф! Говорит красно — и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого».⁴⁸ Кажется, ясно. Фигура Толстого, по мнению *Ленина*, не из единого чистого металла вылита. Остается лишь заключить: как можно противопоставлять Плеханова Ленину за то, что Плеханов «любил Толстого отсюда и досюда»? Можно было лишь противопоставить его Неведомскому и Базарову, вот они любили *«все»* Толстого».

Разберем второе положение Базарова. Он хотел использовать Толстого в целях своего субъективного идеализма. Вот его слова: «Тол-

⁴⁶ В. Базаров, Толстой и русская интеллигенция: Наша заря, 1910, № 10, 43.

⁴⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, 90.

⁴⁸ Там же, 94.

стой впервые объектировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту *чисто человеческую* религию, о которой Кант, Фейербах и другие представители современной культуры могли только мечтать». ⁴⁹ В. Базаров хотел сделать и Толстого «богостроителем» (он зачислил в предшественники «чисто человеческой религии» даже Фейербаха). Все это и объясняет, почему так подробно анализировал Плеханов религиозные воззрения Толстого. Не случайно, что в статье «Отсюда и досюда», вышедшей в конце того же 1910 г., когда вышла и статья Базарова, Плеханов указал на противоположность взглядов Фейербаха и Толстого на религию. «Толстой думает, что если бы не было „чьей-то воли“, направляющей людей к добру и к истине, то они погрязли бы в зле и в заблуждении. Это то, что у Фейербаха называется опустошением человеческой души. Все, что есть в ней хорошего, отнимается от нее и записывается на счет „чьей-то воли“, создавшей человека, равно как и весь остальной мир. Толстой совершенно опустошает человеческую душу, говоря, что „все доброе, что есть в человеке, — только то, что в нем божеского“». ⁵⁰ Следовательно, необходимо учесть, что статьи Плеханова о Толстом были направлены не только против заблуждений писателя, но и против «богостроителей». Тот факт, что Плеханов так подробно занимается религиозными взглядами Толстого, объясняется острой философской борьбой против субъективных идеалистов.

Что касается третьего положения Базарова, то отметим следующее. Патриархально-крестьянские и утопические корни во взглядах Толстого Базаров считал лишь несущественными элементами этих взглядов, выдвигая на первое место религиозное учение писателя. «Идеализация патриархально-крестьянского быта, — пишет он, — тяготение к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой толстовской религии». ⁵¹ Общеизвестно, кто определил крестьянские корни творчества писателя. Признание Плехановым патриархально-крестьянского характера творчества Толстого объективно помогло Ленину в борьбе против субъективных идеалистов. Ниже мы увидим, что именно Ленин и Плеханов раскрыли и утопический характер воззрений Толстого.

Какие именно слабые стороны философии Толстого видел Плеханов? Как уже сказано выше, он указал на метафизический характер толстовской философии, как, повторяем, и Ленин в своей *итоговой* статье «Л. Н. Толстой и его эпоха». ⁵²

⁴⁹ В. Базаров, Толстой и русская интеллигенция: Наша заря 1910, № 10, 48.

⁵⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 5, 618.

⁵¹ В. Базаров, Толстой и русская интеллигенция: Наша заря 1910, № 10, 49.

⁵² Принимает во внимание ленинскую критику метафизичности философии Толстого и Е. Магазинник: «В другой статье Ленин усматривает существенную особенность мировоззрения Толстого в том, что он принимает „только точку зрения вечных начал нравственности, вечных истин религии“». (Мировоззрение и метод Л. Толстого в повестях последнего периода творчества: Труды Самаркандского ун-та, 1961, вып. 112, стр. 37—38). Однако решение Е. Магазинником вопроса о соотношении между творческим методом и мировоззрением Толстого мы считаем спорным. В. Ф. Асмус в

Остро критиковал Плеханов также идеализм и религиозное сектантство писателя. И в этом он был тоже солидарен с Лениным. Острые своей критики Плеханов направил против «теории» «непротivления злу насилieм». Сущность этой теории общеизвестна, и поэтому нет нужды излагать ее. Так как Плеханов рассматривал философию Толстого прежде всего под углом зрения *пролетарской борьбы*, то вполне понятно, что он подверг наиболее резкой критике именно эту теорию. «Революционный пролетариат, — пишет он, — должен отнестись к этой проповеди со строгим осуждением».⁵³ Об этом писал и Ленин в статье «Толстой и пролетарская борьба»: «Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата».⁵⁴

Необходимо отметить, что анализ толстовской философии не сводится у Плеханова лишь к ее оценке с точки зрения пролетарской революции, хотя такая оценка и занимает большое место в его статьях. Критикуя ошибочные взгляды в социальном учении Толстого, Плеханов вовсе не считал это учение целиком ошибочным. Он называет Толстого «анархистом на религиозной подкладке»,⁵⁵ который, признав многое верным у анархистов, в борьбе за политическую свободу видел «жалкую непоследовательность», исправляя их теорию разрушения государства в духе своего религиозного учения. Он писал: «Все теоретики-анархисты, люди ученые и умные, начиная от Бакунина, Прудона и до Реклю, Макса Штирнера и Кропоткина, неопровержимо верно и справедливо доказывая неразумность и вред власти, как скоро начинают говорить о возможности устройства общественной жизни без того человеческого закона, который они отрицают, так тотчас же впадают в неопределенность, многословие, неясность. . . Освобождение от человеческого закона возможно только под условием признания общего всем людям закона божеского».⁵⁶ В *критике власти* Толстой согласен с анархистами, но их положительную программу считает неопределенной и неясной. В этом он, конечно, прав, но заблуждается, когда предлагает свою положительную программу. Он отрицает всякую власть, в том числе и революционную, и хотел бы поставить на место человеческой власти «закон божий». Поэтому и назвал его Плеханов «анархистом на религиозной подкладке». И, конечно, Плеханов не мог не критиковать эту сторону теории великого писателя.

статье «Мировоззрение Толстого» тоже отмечает метафизичность толстовской философии: «Толстой мыслил не исторически, обращался к представлениям и оперировал понятиями, которые казались ему „вечными“, „изначальными“, запечатленными в самом существе «разума», нравственного и религиозного сознания человечества» (Литературное наследство, т. 69, книга 1. Москва 1961, 37.)

⁵³ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 5, 636.

⁵⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, 71.

⁵⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 12, 68—69.

⁵⁶ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, 347. По свидетельству В. А. Поссе, «из революционеров Лев Николаевич Толстой особенно интересовался П. А. Кропоткиным». Он говорил: «Очень хотелось бы мне лично познакомиться с Петром Алексеевичем Кропоткиным. . .» (Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Издание 2-е. 1960, 59—69).

Не менее остро критиковал Плеханов представление писателя об улучшении общества с помощью нравственного усовершенствования личности. Но и здесь он видел не только одни ошибки. Вот его слова: *«Переустройство общественных отношений не есть последняя цель и никогда не было последней целью. Оно есть лишь средство достижения последней цели, т. е. всестороннего, а между прочим, также и нравственного развития личности. . . Стало быть, мнимую антиномию: или нравственное усовершенствование личности, или общественное переустройство — необходимо отбросить. . . И в том, и в другом случае цель одна и та же: усовершенствование отдельных лиц, из которых ведь и состоит, в последнем счете, общество. Разница лишь в средствах. . . Толстой уповал на повторение заповедей»*.⁵⁷ Следовательно, мысль Толстого о необходимости нравственного усовершенствования Плеханов считал составным элементом всестороннего развития личности, частью конечной цели преобразований. Он вполне определенно заявил, что между Толстым и марксистами нет разногласий *в отношении цели*, ибо они никогда не считали своей последней задачей переустройство общественных отношений, — оно является для них средством для всестороннего развития человеческой личности. Поэтому социалисты, по мнению Плеханова, сильно расходясь с Толстым в вопросе о путях и средствах достижения конечной цели, не расходятся с ним в понимании самой цели. К сожалению, до сих пор этот аспект плехановской оценки взглядов писателя не принимается во внимание. А положительная оценка охарактеризованной стороны взглядов Толстого является в наши дни особенно актуальной, так как после решения основных экономических и политических задач все сильнее выступают на первый план вопросы, связанные с развитием человеческой личности. Идею марксистов о всестороннем развитии человека как конечной цели всех социальных преобразований игнорируют их противники, и началось это не сегодня. Например, З. Гиппиус писала «. . . Если Толстой кладет центр тяжести в абсолюте, утверждает цель без средств ее движения, то Плеханов, с своей стороны, заботится только о средствах, о движении . . . неизвестно куда, неизвестно к чему».⁵⁸

Плеханов нашел рациональное зерно даже в учении Толстого о непротивлении злу насилием, хотя и подверг его беспощадной критике. Приведу его слова: «8 января 1845 г. Герцен писал в своем дневнике: „Наказание — совершенная нелепость в развитом государстве, и в будущем будут удивляться, как правительство вступало в соревнование с каждым злодеем и делало такую же мерзость над ним, какую он сделал, с тем различием, что он был более или менее вынужден обстоятельствами, а правительство так, без всякой нужды“ . . . Эти строки написаны под очевидным влиянием Гегеля, а также, конечно, социалистических идей. Нетрудно видеть, что они заключают в себе все то золото, которое можно найти в так называемом учении Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилием».⁵⁹ Оставим пока в стороне вопрос о

⁵⁷ Г. В. Плеханов, Литературное наследие, сб. VI, 8—9.

⁵⁸ З. Гиппиус, Из дневника журналиста: Русская мысль, 1908, № 8, 162.

⁵⁹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 4, 737.

влиянии на Толстого Герцена. В данной связи важно подчеркнуть то, что в самой ошибочной стороне толстовского учения Плеханов сумел выделить «золото» — укрытый за религиозной оболочкой реальный гуманистический смысл, составляющий основу и социалистических учений.

Особенно ценным в толстовском учении Плеханов считал его критическую направленность. «Значение толстовской проповеди, — пишет он, — заключалось не в ее нравственной и не в ее религиозной стороне. Оно заключалось в ярком изображении той эксплуатации народа, без которой не могут существовать высшие классы. . . Он проповедует непротivление злу насилием, а те его страницы, которые подобны только что указанным мною, будят в душе читателя святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу. Он советует ограничиваться *оружием критики*, а эти его превосходные страницы безусловно оправдывают самую резкую *критику посредством оружия*». ⁶⁰ Плеханов имеет в виду не только художественные произведения писателя, но в первую очередь такие его работы, как «Царство божие внутри нас» и «Какова моя жизнь», т. е. оценивает его прежде всего как мыслителя. Увидев силу Толстого-мыслителя главным образом в критике, Плеханов согласен с Лениным, который писал: «Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата». ⁶¹ Говоря об учении Толстого, Ленин имеет в виду его программу улучшения, изменения жизни, предложенные им способы переустройства общества. Осуждая эту программу, он так же, как Плеханов, видел силу Толстого как мыслителя в «разоблачении лжи», в критике буржуазного общества.

Ленин выделил еще одну сильную сторону Толстого-мыслителя — постановку основных вопросов современного ему общества: «Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства». ⁶² Это высказывание не противоречит предыдущему — о том, что учение Толстого оказалось в полном противоречии с жизнью. Ведь силу Толстого-мыслителя Ленин видит не в решении основных проблем, а лишь в их постановке. Великий писатель хорошо видел основные проблемы эпохи, но с его решением их Ленин иногда не соглашался. В отличие от Ленина Плеханов специально не отмечает эту сторону Толстого-мыслителя, по крайней мере, в известных нам материалах. Но все написанное им о

⁶⁰ Там же, т. 5, 637.

⁶¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, 70.

⁶² Там же, 38.

Толстом не противоречит мысли Ленина: беспощадная критика буржуазного общества, отмеченная Плехановым, несомненно находится в тесной связи с постановкой важнейших проблем эпохи. Что касается решения Толстым основных вопросов его времени, то мнение Плеханова и Ленина по этому поводу полностью совпадает. И в целом их оценки Толстого или совпадают, или взаимно дополняют друг друга, во всяком случае не противоречат одна другой. Объясняется это тем, что, во-первых, и Ленин, и Плеханов исходили из точного анализа фактов, во-вторых, их сближением после поражения революции 1905—1907 годов, их совместной борьбой, общностью подхода к решению поставленных эпохой задач.

Необходимо отметить, что Плеханов обратил внимание и на отступление Толстого от идеалистических воззрений. «Иногда Толстой, — пишет он, — идет еще дальше в области материалистического объяснения явлений внутреннего мира. . . Но все это лишь отдельные замечания, отрывочные проблески материалистической мысли, не сливающиеся в одно целое. . .»⁶³ Важно однако, что «Толстой не всегда оставался толстовцем»,⁶⁴ что ему часто удавалось преодолевать слабые стороны своего мировоззрения. Без понимания этого факта нельзя объяснять многое и многое в наследии писателя, и прежде всего страстное стремление изменить и внешние условия человеческой жизни. По словам Плеханова, Толстой «глубоко почувствовал неудовлетворительность русского общественного строя». Критик связывал это с влиянием на Толстого русского освободительного движения, под его влиянием, как уже упоминалось, произошел и переворот в творчестве писателя. Уточним эту сторону взглядов Плеханова на Толстого. Он ясно видел отрицательное отношение Толстого к марксизму, хотя и отметил, что в вопросе о войнах писатель испытал влияние идей I Интернационала. Решающее влияние на Толстого оказали, по мнению Плеханова, революционеры-разночинцы. Дело в том, что критик рассматривал взгляды Толстого прежде всего в рамках разночинского периода освободительной борьбы. Это близко к тому, что говорил и Ленин в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха».

Как сказано выше, Плеханов считал, что многие произведения Толстого объективно «оправдывают самую резкую критику посредством оружия». Из этого логически вытекает, что многое из того, что написал великий писатель, объективно подготавливало почву для самых радикальных общественных перемен. Звучавшее с такой огромной силой отрицание всякой эксплуатации, полуфеодальной и капиталистической, не могло не играть революционной роли. Это отметил не только Ленин, но и Плеханов. Уже после Октябрьской революции Стефан Цвейг писал о той роли, которую играли произведения великого русского писателя в подготовке *социалистической* революции, причем в этом отношении он сравнивал Толстого с Лениным.⁶⁵ Конечно, это сравнение условно, но оно не лишено глубокого смысла. Напомним в связи с этим, что и Ромен Роллан, который одно время разделял многие ошибки Толстого, тоже подчеркнул громадную революционизирующую силу критики великого

⁶³ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 24, 199.

⁶⁴ Там же, 201.

⁶⁵ S. ZWEIG, Drei Dichter Ihres Lebens. Leipzig 1928, 316.

русского писателя.⁶⁶ Вернемся к Стефану Цвейгу. Он совершенно верно считал, что любое рассуждение о том, одобрял ли, принимал ли Толстой революцию, является лишним и праздным, так как речь идет об объективном влиянии толстовских произведений. Но, конечно, и Цвейгу, как и Плеханову, было ясно, что Толстой не видел реального пути освобождения человечества от «зла».⁶⁷

Одним из предшественников Толстого в области социально-философской мысли Плеханов считал Герцена. Мы уже видели, что он отметил влияние Герцена на Толстого в учении о наказаниях. В концепции об усовершенствовании человеческой личности, которую развивал писатель, Плеханов опять усматривал это же благотворное влияние. По его мнению, мысли Толстого о судах, об эксплуатации народа, его критика современного ему общества во многом восходят к Герцену. Хотя он далеко не во всем был согласен с ним, это не помешало ему позаимствовать у Герцена конкретные взгляды на общественные явления. Контакты между ними засвидетельствовал сам Толстой: «С Герценом я видался в бытность в Лондоне 1½ месяца (кажется) почти каждый день, и были разговоры всякие и интересные».⁶⁸ Известно также, что Толстой очень высоко ставил Герцена как писателя: «Если бы меня спросили, кого из русских писателей я считаю наиболее значительными, я назвал бы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, которого нами либералы забили».⁶⁹ В соответствии с этим высказывания Герцена он включил в «Круг чтения» и в сборник «На каждый день».⁷⁰ Вопрос о влиянии Герцена на Толстого получил в советском литературоведении многостороннее освещение.⁷¹ Не следует лишь забывать, что первым его поставил Плеханов.

Он первым указал и на некоторые общие черты во взглядах Толстого и народников: «Стало быть, добро, это так называемая *трудовая* соб-

⁶⁶ См.: R. ROLLAND, Vie de Tolstoï. Paris 1919. (Р. Роллан, Собрание сочинений, т. 14. Ленинград 1933).

⁶⁷ В одной из черновых тетрадей Г. В. Плеханова мы нашли следующую его выписку «Ce n'est pas assez de dire aux citoyens, soyez bons; il faut leur apprendre à l'être». После этих строк Плеханов отметил: «Толстому», а потом продолжил свою мысль: «Le plus grand mal est déjà fait, quand on a des pauvres à défendre et des riches à contenir». (Недостаточно говорить гражданам: будьте добрыми; надо их научить быть добрыми. Самое большое зло уже сделано, когда есть бедные, которых надо защищать, и богатые, которых надо ограничивать.) Архив Дома Плеханова. Тетрадь № 24, стр. 9. В «Литературном наследии Г. В. Плеханова» опубликована лишь первая часть цитаты. (Сб. VI, 272).

⁶⁸ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 75, 71.

⁶⁹ Н. Н. Гусев, Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891—1910. Москва 1960, 386.

⁷⁰ См.: Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Книги на русском языке, Часть I. Москва 1958, 158.

⁷¹ См.: Н. Н. Апостолов, Лев Толстой и его спутники. Москва 1928, 26—49; Н. Н. Гусев, Герцен и Толстой: Литературное наследство, т. 41—42. Москва 1941, 490—525; его же, Лев Николаевич Толстой (1855—1869). Москва 1957, 406—414; С. П. Бычков, Л. Н. Толстой. Москва 1954, 77—80; его же, «Война и мир» — народно-героическая эпопея. В кн.: Творчество Л. Н. Толстого. Москва 1954, 125; А. А. Сабуров, «Война и мир» Л. Н. Толстого, проблематика и поэтика. Москва 1959, 13—19.

ственность, созданная трудом собственника; а зло — это собственность, созданная трудом другого человека. Толстой высказывается здесь как народник. Его доводы не оставляют никакого сомнения на этот счет».⁷²

Народники, как уже говорилось, отстаивали интересы мелкого производителя, рассматривали явления с его точки зрения. И вполне логично, что Плеханов, отметивший вслед за Лениным и крестьянские источники взглядов Толстого, показал их совпадения со взглядами народников. Его выводы подтверждают высказывания самого писателя о собственности.⁷³ Вот одна из его записей в дневнике: «1865 г. Августа 13-го. Всемирнонародная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности. «*La propriété c'est le vol*» останется больше истиной, чем истина английской конституции, до тех пор пока будет существовать род людской. — Это истина абсолютная, но есть и вытекающие из нее истины относительные — приложения. Первая из этих относительных истин есть воззрение русского народа на собственность. Русский народ отрицает... собственность поземельную».⁷⁴ В вопросе о собственности у Толстого были и колебания, иногда он просто хотел игнорировать собственность. Плеханов отмечал эти колебания, но, по его мнению, в основном для Толстого был характерным взгляд на собственность, во многом близкий к народническому. Он считал, что и здесь большую роль играло влияние «отца русского народничества» Герцена. В целом в вопросе о собственности Толстой, по мнению Плеханова, «перешел на социалистическую точку зрения».⁷⁵ Близость писателя к народникам в этом существенном вопросе с тех пор подтверждена советским литературоведением.⁷⁶ Подчеркнем, что приведенные нами слова Толстого о поземельной собственности были написаны им в 1865 г. Следовательно, у Плеханова были все основания утверждать, что зародыши переворота зрели в душе писателя задолго до 1880 г. В начале своего творческого пути Л. Толстой раскрывал, прежде всего, как испорчена нравственность высших классов вследствие эксплуатации народа. Потом он изображал и духовную опустошенность высших классов и с огромной силой показал страдания народа.

В осознании роли народа Плеханов считал предшественником Толстого и Гоголя. В «Истории русской литературы» Д. Н. Овсяннико-Куликовского он сослался на следующее место из второго тома «Мертвых душ»:

⁷² Г. В. Плеханов, Литературное наследие, сб. VI, 256.

⁷³ «Собственность, — писал Толстой, — которую охраняют правительства, не есть собственность жизни, собственность труда, т. е. то, что никто не может отнять у человека. ... Напротив, все правительства сохраняют награбленные произведения чужих жизней и чужого труда». (Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 34, 498).

⁷⁴ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 48, 85.

⁷⁵ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 24, 212.

⁷⁶ В связи с анализом творчества Гл. Успенского Г. А. Бялый пишет: «... Отражая взгляды и настроения пореформенного крестьянства, Успенский, идя своим путем, в некоторых пунктах невольно, как мы видим, сближался с Толстым. Это сближение между ними произошло и в оценке связи крестьянства с землей при крепостном праве.» См. Г. А. Бялый, О некоторых особенностях реализма Глеба Успенского: Уч. зап. ЛГУ, № 229. Серия филолог. наук 30 (1957) 118.

«Да, слава богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями. За это мы, просто, должны благодарить бога. Да, хлебопашцы для меня всех почтеннее. Дай бог, чтобы все были хлебопашцы».

На полях книги он написал: «Ср. Толстого». ⁷⁷

У Гоголя Плеханов отметил и зародыши своеобразного толстовства. Как известно, Толстой углубленно изучал произведения Гоголя, об этом свидетельствует и его библиотека. ⁷⁸ Его отношение ко взглядам Гоголя менялось, но, несомненно, в религиозности Гоголя и Толстого было много общего. Это заметили уже современники Толстого. Еще А. Скабичевский в первой половине 70-х годов прошлого века, будучи *тогда* последователем эстетики Чернышевского и Добролюбова, установил нечто общее между религиозностью Гоголя и Толстого. ⁷⁹

Взгляд Плеханова на сущность духовного кризиса Гоголя, Достоевского и Толстого прокомментировал Р. С. Кабисов. «Для Плеханова, — пишет он, — самая главная причина внутреннего трагизма и Гоголя, и Достоевского, и Толстого заключается в том, что они глубоко почувствовали кризис старого порядка русской жизни, но не смогли понять, что этот кризис знаменует собой именно смену крепостнического уклада новым буржуазным». ⁸⁰ С этим нельзя не согласиться. Плеханов, борясь с разными религиозными тенденциями, указывал именно на эту общую трагическую сторону творческого пути Гоголя, Достоевского и Толстого. Он часто возвращался к этому вопросу, и объясняется это оживлением в эпоху реакции религиозных настроений среди русской интеллигенции. Необходимо лишь подчеркнуть, что Плеханов отнюдь не считал религиозные ошибки Гоголя, Достоевского и Толстого главным связующим звеном между этими писателями.

Будучи одним из лучших знатоков утопического социализма, Плеханов не мог не заметить некоторой общности взглядов Толстого и утопистов-социалистов. По его мнению, Толстой познакомился с учениями утопистов-социалистов Западной Европы прежде всего под влиянием Герцена. Интересно с этой точки зрения свидетельство самого Толстого. Обращаясь к Герцену, он писал: «Ваша статья об Овене, увы! слишком, слишком близка моему сердцу». ⁸¹

По мнению Плеханова, отрицательное отношение Толстого и к насильно реакционеров-охранителей, и к насильно революционному вполне созвучно с взглядами Фурье, и особенно Консидерана. В известном смысле французские фурьеристы, особенно после смерти Фурье, считали

⁷⁷ Г. В. Плеханов, Литературное наследие, сб. VI, 331.

⁷⁸ См.: С. М. Брейтбург, Книжное собрание Льва Толстого в Ясной Поляне. В кн. «Книга», исследования и материалы, сб. V. Москва 1961, 114.

⁷⁹ «Признаемся откровенно, нам страшно за гр. Толстого, — пишет А. Скабичевский. — Мы боимся, что один из самых могущих, светлых и симпатичных талантов настоящего времени погибнет так же ужасно, как погиб талант Гоголя». (Сочинения, Издание 3-е. Спб. 1903, 648).

⁸⁰ Р. С. Кабисов, К вопросу об оценке творчества Л. Н. Толстого В. И. Лениным и Г. В. Плехановым: Уч. зап. Юго-Осетинского пед. ин-та, т. IX, Серия гум. наук, Цхинвали 1966, 70.

⁸¹ Л. Н. Толстой, Переписка с русскими писателями. Москва 1962, 456.

революционеров даже опаснее реакционеров, так как их ошибки, полагали они, мешают найти истинные решения общественных вопросов.⁸² Поэтому очень показательно, что Толстой цитировал по вопросу о насилии именно Консидерана: «Жестокости всех революций — только последствия жестокости правителей. Революционеры — понятливые ученики. Никогда свежим людям не могла бы прийти в голову дикая мысль о том, что одни люди могут и имеют право силою устраивать жизнь других людей, если бы властвующие люди, все правители не обучали бы этому народы. . .»⁸³ Что Толстой отрицал всякую власть, в том числе и революционную, это было давно известно. Заслугой Плеханова является установление общности взглядов Л. Толстого и утопистов-социалистов, причем не только по названному вопросу.

Он нашел точки соприкосновения и в оценке жизни «высших классов»: «Картина семейных нравов паразитических классов общества, нарисованная графом *Львом Толстым* в его «Крейцеровой сонате», а до него *Фурье*, напоминает в главных чертах то, что говорил Гельвеций о браке и любви у „праздных“ людей».⁸⁴ Плеханов здесь высказывался очень осторожно. Он не говорит прямо о влиянии *Фурье* или Гельвеция, а лишь указывает, что картина семейных нравов у Толстого напоминает то, что писали о семейных нравах названные мыслители. Дело в том, что Плеханов не располагал необходимым фактическим материалом для решения вопроса: кого именно читал Толстой — Гельвеция или *Фурье*. Плеханов был уверен лишь в непосредственном влиянии на Толстого Герцена. Ему было известно, как хорошо знали передовые люди 40-х и 50-х годов прошлого века социалистические учения.

Плеханов проанализировал и эстетические взгляды утопистов-социалистов. Наиболее значительным эстетиком из утопистов-социалистов Западной Европы он считал Пьера Леру, между его эстетикой и эстетикой Толстого он установил связь по одному из существеннейших вопросов. По мнению П. Леру: «Область искусства шире области прекрасного, потому что искусство есть художественное выражение жизни, а в жизни далеко не все прекрасно. . . Эта мысль высказывалась потом Н. Г. Чернышевским и . . . Л. Толстым».⁸⁵ Уже в наше время Б. М. Эйхенбаум текстологически установил, что Толстой дословно точно цитировал одно из положений книги П. Леру «О человечестве».⁸⁶ Плеханов, естественно, тогда не мог знать об этом, но ему, конечно, было известно,

⁸² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 3, 530—531.

⁸³ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 43, 270—271.

⁸⁴ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 2, 105.

⁸⁵ Там же, т. 3, 601.

⁸⁶ «И наконец: в тетради 1851 года есть поразительная запись. . . Искали философский камень, нашли много химических соединений. Ищут добродетели с точки зрения социализма, т. е. отсутствия пороков, найдут много полезных моральных истин» (т. 46, 72). Мало того, что это цитата из книги Пьера Леру «О человечестве» (*En cherchant la pierre philosophale on a découvert la chimie*), это к тому же распространенное в социалистической литературе того времени сравнение. . . Среди друзей молодого Толстого оказались бывшие друзья Белинского и Герцена — П. А. Анненков и В. П. Боткин». (Б. М. Эйхенбаум, 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого: Русская литература, 1959, № 4, 219—220).

что «передовые русские западники сороковых годов с огромной симпатией относились к Пьеру Леру. .»⁸⁷ Поэтому он вполне обоснованно мог предполагать существование связей эстетики Толстого с эстетикой П. Леру, но без фактических доказательств мог только намекнуть на эту связь.

В отношении Плеханова к эстетике Толстого мы напомним лишь, что Плеханов исправлял и дополнял некоторые положения Толстого. Как известно, писатель после переворота в его взглядах односторонне отрицал многие произведения дворянского и буржуазного искусства независимо от конкретных условий, места и времени их создания.⁸⁸ Он дошел даже до того, что отрицал свои собственные произведения, написанные до переворота. Плеханов в связи со всем этим писал, что и дворянское и буржуазное искусство, в зависимости от конкретных исторических условий, может быть и передовым и реакционным. Он, как и Толстой, боролся за передовое и доступное народу искусство и поэтому считал нужным исправлять только явные крайности и несправедливости великого писателя.

Итак, выводы Плеханова относительно влияния на Толстого утопического социализма сводятся к следующему. В существенных своих чертах учение Толстого является утопически-социалистическим. В вопросах о *собственности*, о *политической власти*, об *оценке жизни высших классов*, а также в некоторых вопросах эстетики Толстой стоял на точке зрения утопического социализма. Близок он к нему и своим учением об усовершенствовании человеческой личности.

По мнению Плеханова, несомненна близость утопически-социалистических взглядов Толстого взглядам Герцена и народников. Писатель испытывал также влияние учений Фурье и Консидерана, Оуэна, Прудона, П. Леру, но *в целом он не стал* последователем ни одного из них: в этих учениях ему было близко лишь то, что перекликалось с его собственной, очень своеобразной концепцией человека и мира.

Вопрос о влиянии на Толстого взглядов утопистов-социалистов осложнен, по наблюдениям Плеханова, тем, что многие из них генетически восходят к взглядам просветителей XVIII в.⁸⁹ Критик отказался от решения вопроса о том, кто именно повлиял на Толстого в оценке, например, жизни высших классов — Гельвеций или Фурье, или тот и другой вместе. Решить этот вопрос можно было бы только располагая необходимыми фактами из биографии писателя, которых у критика не было. Однако влияние утопистов-социалистов на Толстого он считал несомненным. Его мнение по этому вопросу вполне соответствует мнению Ленина, который тоже считал учение Толстого социалистически-утопическим.⁹⁰ Документально подтвердили эту точку зрения и советские исследователи, прежде всего Б. М. Эйхенбаум. Решение многих

⁸⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. 3, 601.

⁸⁸ См.: И. В. Мальцев, Трактат Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» и полемика по вопросам эстетики перед революцией 1905 года: Уч. зап. Сталинск. пед. ин-та, 8 (1960) 15.

⁸⁹ См. Г. В. Плеханов, Литературное наследие, сб. VI, 8.

⁹⁰ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, 103.

частных вопросов остается спорным, но в целом вопрос о влиянии утопистов-социалистов на Толстого можно считать решенным в положительном смысле.⁹¹ Положительно решен вопрос и о влиянии на писателя французских просветителей, хотя некоторые стороны этого вопроса требуют изучения.⁹²

Плеханов поставил вопрос и о близости толстовского учения к восточным идеологиям. Он писал: «Тол[стой] — физиократ, и даже китаец».⁹³ К сожалению, эта мысль не получила у него развития. Но если учесть его общую концепцию исторического процесса, то приведенные слова можно прокомментировать, как кажется, следующим образом. Известно, что физиократы только земледельческий труд считали производительным. Вероятно, на этом основании Плеханов считал Толстого «китайцем», т. е. в смысле выражения точки зрения крестьянства, в том числе выразителем *крестьянства восточных стран*. Он не раз указывал на относительную неподвижность социально-экономических отношений восточных народов, преобладающее большинство которых составляет именно крестьянство. В том факте, что Толстой признавал «лишь вечные начала нравственности», только «вечные истины», Плеханов склонен был видеть отражение взглядов восточного патриархального крестьянства. Соприкосновение с ленинской точкой зрения по этому вопросу мне кажется очевидным. Ленин писал: «Он — Толстой — рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов».⁹⁴

Рассмотрение связи Толстого с восточным миром не входит в задачу данной работы. Остается опереться лишь на результаты, уже достигнутые литературоведением. Так, по свидетельству Ни Жуй-тиня, в Китае и положительные, и отрицательные стороны толстовского учения имели очень большое влияние, и китайские марксисты для борьбы с отрицательной стороной толстовского учения в 1934 г. перевели на китайский язык статьи Ленина и Плеханова.⁹⁵ Общеизвестно влияние Толстого на Ганди.⁹⁶ По всей вероятности, причина влияния Толстого на Востоке заключается и в сильных и в слабых сторонах его учения. Факт этого влияния, несмотря на относительную неразработанность вопроса, является, как нам кажется, доказанным.⁹⁷

⁹¹ См.: Б. М. Эйхенбаум, Лев Толстой. Книга вторая. 60-е годы. Москва — Ленинград 1931, 280—309; *его же*, Л. Н. Толстой на Кавказе: Русская литература, 1962, № 4; Г. Галаган, Л. Толстой и петрашевцы: Русская литература, 1965, № 4; *ее же*, Окружение молодого Толстого: Русская литература 1969, № 1.

⁹² См.: Б. Эйхенбаум, Из студенческих лет Л. Н. Толстого: Русская литература 1958, № 2, 69. Е. Н. Купрянова, Просветительские истоки философии и творческого метода Льва Толстого: Русская литература, 1964, № 2.

⁹³ Г. В. Плеханов, Литературное наследие, сб. VI, 265.

⁹⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, 101.

⁹⁵ Ни Жуй-тинь, Л. Толстой в Китае: Русская литература, 1958, № 4, 202—203.

⁹⁶ См.: Переписка Л. Н. Толстого и М. К. Ганди: Литературное наследство, т. 37—38, книга II. Москва 1939, 339—352.

⁹⁷ См.: А. И. Шифман, Китайские писатели о Толстом: Литературное наследство, т. 75, книга I, 611—617; Мао Дунь, Толстой в Китае: там же, книга II, 343—346;

Итак, Плеханов рассматривал творческий путь Л. Н. Толстого в рамках второго, разночинского периода русского освободительного движения. Он не раз указывал на тот несомненный факт, что писатель никогда не соглашался с революционерами в вопросах о средствах борьбы. Но несмотря на это он формировался и развивался и как художник, и как мыслитель под сильнейшим, решающим влиянием революционного движения своего времени. Несомненно также влияние на Толстого Герцена, народников, утопистов-социалистов Западной Европы.

В области художественного творчества отличительной чертой таланта великого писателя Плеханов считал диалектический характер приемов его творчества. В то же время он указывал на отсутствие диалектики в учении Толстого и беспощадно критиковал идеализм во взглядах писателя, его сектантство, его непротivление злу насилием и т. д. Плеханов так часто возвращался к этим ошибкам Толстого, что многие исследователи за критикой этих ошибок просмотрели положительное содержание его оценки великого писателя. Когда противопоставляли Плеханова Ленину в оценке Л. Толстого, то почти совершенно игнорировали тот факт, что и Ленин резко критиковал те же слабые стороны писателя. Не Плеханов, а сама эпоха выдвигала на первый план ошибочные стороны толстовского учения. Об этом лучше всего писал Ленин в 1911 г. в своей итоговой статье о Толстом: «Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло немало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни . . . всякая попытка идеализации учения Толстого . . . приносит самый непосредственный и самый глубокий вред».⁹⁸ Так резко не писал даже Плеханов. Особенность эпохи, когда он писал свои статьи, далеко не всегда принималась во внимание. Однако времена меняются, и то, что было очень опасным в России в начале XX в., не опасно или менее опасно в наши дни. После переустройства общественных отношений, после победы социалистической революции все сильнее выступают на первый план вопросы, связанные с всесторонним развитием личности, а разногласия в вопросах о средствах борьбы, наоборот, отступают на задний план, так как они фактически уже решены историей. И если мы подойдем к плехановской оценке без предвзятого мнения, то должны будем признать, что он ценил в Толстом именно то, за что и мы преклоняемся перед его талантом: раскрытие тайн человеческой души, стремление к совершенствованию, страстную защиту свободы человеческой личности. И это в то же время было выступлением против разного толка буржуазных теоретиков, которые выдвигали на первый план «религиозное

Н. И. Конрад, Толстой в Японии: там же, 347—360; А. Й. Шифман, Лев Толстой и Восток. Москва 1960.

⁹⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 20, 104.

направление мысли» Толстого,⁹⁹ подчеркивали в наследии Толстого именно то, что было в нем наиболее слабым.

Л. Н. Толстой критикой современных ему общественных отношений, изображением диалектики человеческой души, защитой народности в искусстве, утверждением человеческой личности объективно подготовил почву для социалистической литературы.

Плехановскую концепцию творчества Толстого нельзя считать законченной. Пометы на полях книг, замечания в черновых тетрадях и записных книжках показывают, что Плеханов продолжал работать над проблемами творческого наследия «великого писателя земли русской» и после написания своих основных статей. Мы не включили в нашу статью все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, так как они предполагают рассмотрение многих и многих проблем, решение которых значительно расширило бы рамки работы. Плеханов, например, изучая историю русской общественной мысли XVIII в., не раз указывал на вероятные истоки толстовских положений в литературе XVIII в.¹⁰⁰ Но эти мысли являются отрывочными, разбросанными, трудно поддаются систематизации. Можно предположить, в каком направлении работала мысль Плеханова, но именно только предположить. Как известно, он считал, что некоторые особенности русской истории сближают Россию не только с историей Западной Европы, но и Востока. Эту мысль Плеханов проводил в своей «Истории русской общественной мысли XVIII века». Довольно долго она объявлялась заведомо целиком ошибочной. До сих пор этот вопрос недостаточно разработан. Между тем, концепция Плеханова восходит к некоторым высказываниям Ф. Энгельса. Возможно, что эта концепция ошибочна, но в ней, несомненно, есть и рациональное зерно.

Решить этот вопрос — дело историков. В связи с данной концепцией Плеханов считал, что идеи Толстого о непротравлении злу насилием коренятся еще в XVIII в., и эти идеи он связывал с некоторыми восточными элементами русской истории. Вероятно, таким был ход его мыслей, но — повторяем — это можно лишь предполагать.

⁹⁹ Например, П. Б. Струве писал о Л. Толстом: «Дело тут не в частностях, а в религиозном направлении его мысли, в идее, что человек ответствен за мир. Это идея человека в боге и бога в человеке и их неразрывной свободной связи». (Русская мысль, 1908, № 8, 230). Д. С. Мережковский оценил Л. Толстого использовал лишь для изложения своей собственной религиозно-мистической идеологии. (Жизнь и творчество Л. Толстого и Достоевского. Издание 3-е. СПб. 1903. Н. Минский тоже считал главным в Толстом сектанство. (Толстой и реформация. В кн. Н. Минского «На общественные темы». СПб. 1909).

¹⁰⁰ См.: Г. В. Плеханов, Сочинения, т. 22, 279—280, 309, 340 и др.

245603

HUNGARO-SLAVICA

1978

150176

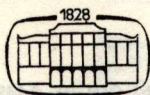
VIII. INTERNATIONALER KONGRESS DER SLAWISTEN

ZAGREB, 3.—9. SEPTEMBER 1978

Herausgegeben von

L. HADROVICS

A. HOLLÓS

AKADÉMIAI KIADÓ

VERLAG DER UNGARISCHEN AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN

BUDAPEST 1978

MTAK

